

Вера Максимова

ПОЛКОВОДЕЦ

К 100-летию со дня рождения
Бориса Захавы

Дата

В ЮНОСТИ, аккуратным беленьким кадетом III Московского кадетского корпуса, наклеив горбинку на свой славянский — «уточкой» — нос, Борис Захава сыграл императора Наполеона в любительском спектакле «Не в силе Бог, а в правде». В старости, в эпопее Сергея Бондарчука «Война и мир» — фельдмаршала Кутузова, полководца «народной войны».

Ученики Бориса Евгеньевича всерьез полагают, что у него — первовахтанговца, народного артиста СССР, профессора, доктора наук, лауреата, знаменитого режиссера, актера, педагога — был полководческий дар. Пять десятиков лет — беспримерно долго — вел он Театральное училище им. Б.В. Щукина, руководителем которого состоял с 1925-го по 1976-й — год своей смерти.

Учившаяся и выпускавшаяся во «времена» Захавы актриса Алла Демидова пишет: «Для нас он был живой связью с тем легендарным театром. И поэтом...» Видимо, не боялись. Трепетали. Он, ближайший и любимый для Вахтангова, ценный самим «беспокойным гением» Мейерхольдом, страха не внушал — коренастый, крепкий, улыбающийся, со щелчками все понимающих умных глаз. В стенах училища о нем осталось множество легенд и добрых анекдотов. О том, как 31 августа, открывая очередной новый учебный год, на студенческом балу он танцевал вальс с самой робкой из первокурсниц. О том, как на своем 70-летнем юбилее принимал парад у черно-волосого, на скакуне Багратиона — Владимира Этуша (своего ученика и будущего преемника на посту ректора), как раскатывались в солдатском «ура» заполнившие улицу шпалерами студийцы.

Он был выдающимся актером вахтанговского направления (а не психологом только, как пытались доказать в оправдание его ухода из Театра им. Вахтангова, на самом деле — несправедливого, вынужденного и значительно обидевшего коллектив).

Сыграв в легендарных постановках Учителя — в чеховской «Свадьбе», в «Чуде Святого Антония» и в «Принцессе Турандот», — бесконечно трудолюбивый (на одной только вахтанговской сцене создано 30 ролей и поставлено 24 спектакля), с годами он все больше открывался как характерный актер именно в вахтанговском по-

нимании. В его ролях сгустился, и для выражения этого сверхсмысла, сверхсущности «сочинялась», фантазировалась форма. Гипербола и гротески Захавы-актера были философичны: в его Кутузове соединились уникальный век и уникальная личность, нация и великая человеческая судьба.

Так же он и ставил классику и «эпосы» на вахтанговской сцене — горьковских «Егора Булычова» и «Достигаева», леоновских «Барсуков», «Аристократы» Погодина, «Первые радости» Федина, фадеевскую «Молодую гвардию», др. Его научность, академичность пугали, а иногда и сердили веселых импровизаторов-вахтанговцев.

Но режиссерское «передвижничество» Захавы, повествовательность его монументальных спектаклей были мнимыми. Симоновское, от «Турандот» идущее, начало и серьезность, философичность режиссуры Захавы лишь видимо отстояли друг от друга. Напротив, в лучшие вахтанговские времена они сосуществовали нераздельно, взаимодополняли друг друга. Шедевр Захавы — «Егор Булычов», вошедший в историю и в театральную вечность, оттого еще выиграл соревнование со своим двойником во всемирном тогда МХАТе, что был театрально сгущен и заострен, и оттого полон жизнеутверждения. Тяготение к трагедии ошутимо и в мрачных, словно «на крови» поставленных «Барсуках», и в яростной «Молодой гвардии». Поиск смысла, человеческих мучений,

гибели до срока, жестокости и жертвенности, искупления и подвига — весь комплекс идей, волновавших Вахтангова в 900-е, в эпоху мировых катастроф, присутствует в творчестве его ученика.

В историю русского театра Захава вошел как оберегатель, строитель, продолжатель прославленной вахтанговской школы. Он обладал идеальным характером для этого. Терпением, мудростью, неприятием резких механических действий на ниве искусства, склонностью к длительной и плавной эволюционной работе. Наследуя душой и сердцем своему Учителю, он любил и привлекал талантливых людей. Но особенно нежно любил молодежь.

Он был верный. Так чаще всего говорят о нем. Никогда не покидал Вахтангова, не разуверился в нем. Его верность была вознаграждена судьбой. Он был участником строительства живой вахтанговской триады: школа — студия — театр. Связь с театром через выдающихся педагогов-вахтанговцев не ослабевала и тогда, когда его личные отношения с коллективом оказались нарушенными. При нем при безусловной его поддержке возникла знаменитая любовниковская «студия» — Театр На Таганке.

Вахтангову не слишком повезло в осмыслении научного наследия. Мощные фигуры Станиславского и Мейерхольда в теории как бы заслонили его. Написанные Захавой книги («Вахтангов и его студия», «Современники», «Мастерство актера и режиссера», «Воспоминания»), объективные, цельные, точные, и здесь стали восполнением, а сам автор при Вахтангове — живой ипостасью замечательного летописца великого Гете — Эккермана. Так что Борис Евгеньевич Захава оставил своей школе еще и живую вахтанговскую теорию.